

Проданик Надежда Владимировна

МЕТАФОРА "ЖЕНЩИНА-КНИГА" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА

В статье рассматривается метафора "женщина-книга" в русской литературе, в российской и французской культурах начала XIX века, акцентируются черты сходства изящной дамы и миниатюрного издания. Генезис этого художественного уподобления в отечественной словесности восходит к метафоре "Девушка Мария - книга Бога" (С. Полоцкий), а секуляризация метафорического языка обусловлена процессом обмирщения культуры в послепетровское время, феминистичностью русской литературы 1800-1830-х годов, которую Россия пережила вслед за Европой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 162-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

пространства Инобытия, напротив, длительны, сложны, требуют огромной выдержки и терпения. Первые даются как чудо и дар, в то время как вторые символически связываются с идеями обновления мира и упорядочивания Хаоса, а также с процессом нравственного перерождения героев, с духовным ростом и инициацией.

Список литературы

1. **Афонина Ю. Н.** Двоемирие в повествовательной структуре «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 130-137.
2. **Веселовский А. Н.** Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
3. **Гурин С. П.** Маргинальная антропология [Электронный ресурс]. URL: <http://all-sci.net/filosofskaya-antropologiya/geroy-jrets-tsar-25718.html> (дата обращения: 14.02.2014).
4. **Льюис К. С.** Хроники Нарнии. М.: Эксмо, 2011. 843 с.
5. **Мелетинский Е. М.** Поэтика мифа. М.: Академический проект, 2012. 331 с.
6. **Путилов Б. Н.** Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти В. Я. Проппа / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 141-155.
7. **Целкова Л. Н.** Мотив // Введение в литературоведение. М.: Высшая школа, 2000. С. 204-211.
8. **King Don William.** The Wardrobe as Christian Metaphor [Электронный ресурс]. URL: http://cslewis.drzeus.net/papers/wardrobe_metaphor.html (дата обращения: 07.09.2014).

MOTIF OF TRANSITION IN “THE CHRONICLES OF NARNIA” BY C. S. LEWIS

Potanina Nataliya Leonidovna

Rodina Mariya Vyacheslavovna

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
tatulia_tmb@mail.ru, marija.marianna1987@yandex.ru*

This article is prepared within the framework of the dissertation research devoted to the problems of mythologism in the literature of the XIX-XX centuries. It considers one of the most important and complex literary phenomena – a motif. In this regard, theoretical interpretations of motif existing in literary criticism are analyzed. The topicality of the work is conditioned, above all, by the need to clarify and specify the definition of the motif in a modern scientific context, to expand the functional spheres of this phenomenon. By the material of “The Chronicles of Narnia” by C. S. Lewis the authors analyze one of the most ancient mythological motifs – the motif of transition and its close connection with other common mythological motifs (escape, miraculous deliverance, initiation, etc.). In this case, an attempt is undertaken to determine the most important features of the transitions performed by the heroes in the plots of Lewis’s stories.

Key words and phrases: motif; plot; trans-historical phenomenon; event-formula; plot-generating nature of motif; motif of transition; motif of miraculous deliverance; motif of escape; motif of mission implementation; motif of initiation; motif of renewal of the world and regulation of chaos.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается метафора «женщина-книга» в русской литературе, в российской и французской культурах начала XIX века, акцентируются черты сходства изящной дамы и миниатюрного издания. Генезис этого художественного уподобления в отечественной словесности восходит к метафоре «Девушка Мария – книга Бога» (С. Полоцкий), а секуляризация метафорического языка обусловлена процессом обмирщения культуры в послепетровское время, феминистичностью русской литературы 1800-1830-х годов, которую Россия пережила вслед за Европой.

Ключевые слова и фразы: история русской литературы начала XIX века; история французской литературы начала XIX века; метафора «женщина-книга»; метафора «книга-женщина»; русская лирика Золотого века; феномен чтения в европейской и русской культурах XVIII – первой трети XIX века.

Проданик Надежда Владимировна, к. филол. н.

*Омский государственный педагогический университет
omsk.nadezhda@mail.ru*

МЕТАФОРА «ЖЕНЩИНА-КНИГА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА ©

В XVIII веке Европу поразила новая необычная эпидемия – эпидемия чтения. Священники, ратовавшие за интенсивное и медленное проникновение в смысл книги, теперь сетовали, что современный человек читает быстро и много: «Читатели и читательницы вставали и ложились с книгой в руках <...> не успев дочитать одну книгу, уже брались за другую...» (в середине века эта фраза была произнесена немецким священником

И. Бейером) [5, с. 360]. К этому времени экстенсивное чтение не было новшеством: уже XVII столетие стремилось к энциклопедизму, в обществе ценились разносторонние, глубокие и прочные знания. Веком позже «...на смену педантичному и важному кабинетному мыслителю пришел эрудированный и энергичный “денди”, чьи отношения с науками были скорее поверхностными», а интересы – салонно-светскими [Там же, с. 370]. Как очевидно, при рассуждениях об экстенсивном чтении XVII-XVIII веков речь шла о мужчинах, но на заре сентиментально-романтической эпохи, провозглашая очередную «библиореволюцию», появляется новый субъект книжной аудитории – женщина-читательница. Удивленные современники в 1750-1760-х годах писали: «В Париже все читали... Все – и особенно женщины – носили при себе книги. Читали в экипаже во время прогулки, в театре – во время антракта, в кафе, в купальне...» [Там же, с. 360]. Пору расцвета переживают и особенные издания – журналы мод, они пользуются большим успехом у чувствительной аудитории [1, с. 13].

В Россию мода на женское чтение перешла из Европы, но с задержкой не менее, чем на полвека. Так, еще в 1760-х годах дворянин А. Т. Болотов, задумав «остепениться», с трудом разыскал невесту, знающую грамоту, однако, его надежды на тихие семейные вечера за романами не оправдались, поскольку после женитьбы он не нашел в супруге «...ни малейшей охоты читать...» [3, с. 303]. Только в начале XIX века русские дворянки пристрастились к книгам, об этом в 1802 году с радостью возвестил Н. М. Карамзин: «...сельские дворянки на Макарьевской ярманке запасаются не только чепцами, но и книгами» [7, с. 118]. Новинки изданий сделались неотъемлемым атрибутом отечественной женской культуры, и это обстоятельство способствовало рождению метафоры «женщина-книга». Впрочем, уподобление женского пола – тексту не стало абсолютным новшеством, скорее, перед нами результат метафорической десакрализации, поскольку отечественной литературе XVIII века было известно сопоставление Богоматери и Священного Писания. В стихотворении Симеона Полоцкого о шести сакральных фолиантах один из текстов представляет Богородицу: книга – это «...Девца Мария / в ней же добродетели писаны всякия...» (С. Полоцкий. «Книга») [9, с. 367]. Произшедшее метафорическое изменение обусловлено культурно-исторически: в России начала XIX века продолжался процесс секуляризации культуры. В это время именно «земная» женщина предстала законодательницей светской литературной моды, ее альбомы оказались пространством, где поэзия прямо соприкасалась с жизнью, а образ возлюбленной-Музы стал импульсом для рождения нового слога: «...Альбомы распростирали у нас вкус к чтению и письму – приохотили к литературе, – писал П. Л. Яковлев. – И это ясно!.. Давно говорили, что одни женщины могут выучить нас приятно говорить и писать; давно сказано, что только их верный, тонкий вкус может заставить нас отвыкнуть от странного и низкого языка, которым витивствуют героини русских романов... Благодарение женщинам!.. Я даже уверен, что со времени появления альбомов у нас стали писать лучше, приятнее; выражаться свободнее, приличнее, ближе к общественному разговору...» [4, с. 247]. Литературные «бои» за внимание утонченной публики развернулись не только на альбомных листах, но и на страницах русских журналов: к примеру, А. Бестужев, пропагандируя русскую словесность, на титульном листе знаменитой «Полярной звезды» обращается к «*читательницам* и читателям» (*курсив автора – Н. П.*); на внимание дам рассчитывал и издатель другого толка – Н. Измайлов, публикуя для них в «Благонамеренном» неприкрыто грубые, с оттенком простонародности «нравоучительные» советы. Пушкин в «Евгении Онегине» иронично упоминает журнал Н. Измайлова: «*Я знаю: дам хотят заставить / Читать по-русски. Право, страх! / Могу ли их себе представить / С “Благонамеренным” в руках!*», [11, т. 4, с. 58]. По мысли поэта, иные тексты предназначаются красавицам, в них не должно быть неприкрытой грубости, и в «Романе в письмах» Пушкин уже без всякой доли иронии указывает на «уездных барышень» как на «истинную» свою публику [Там же, т. 5, с. 410].

И все же русская читательница начала века не только увлекается поэмами и романами, собирая дамскую библиотеку, не только выступает хозяйкой литературного салона, становясь «законодательницей» нового литературного стиля, но порой и сама «прочитывается» как увлекательнейшая книга. Так, Н. Греч в 1818 году, будучи известным издателем, шутя, знакомил русскую публику с новым «романом»: «София Дмитриевна Пономарева, комический, но и *чувствительный роман* с маленьким прибавлением. Санктпетербург, в малую осьмушку, в типографии мадам Блюмер, 19 страниц» [4, с. 241] (*курсив автора – Н. П.*). Все это сказано о девятнадцатилетней эпатажной владелице литературного салона – Софье Пономаревой, женщине-шалунье, которой были увлечены многие известные люди эпохи: О. Сомов, В. Панаев, Е. Баратынский, А. Дельвиг, П. Яковлев. «Рецензируя» эту женскую судьбу, Греч будет восхищаться: «Начав читать сию книжку, я потерял было терпение: мысли автора разбегаются во все стороны, одно чувство сменяет другое... но все это так мило и любезно, что невольно увлекаешься вперед; прочитаешь книжку и скажешь: какое приятное издание!» [Там же].

«Приятное издание» для Н. Греча – это «книга» малого формата (напомним, в ней всего девятнадцать страниц, причем выпущенных в свет модной петербургской лавкой мадам Блюмер), тем самым известный издатель не только намекает на осведомленность в моде и возраст Софьи Дмитриевны, но показывает свое знание литературы и книжного дела: в связи с экстенсивностью чтения, в обществе стали популярны издания малого формата. Как в 1781 году утверждал французский писатель Л.-С. Мерсье, это была даже не популярность, а «манья маленьких форматов», книга в библиотеке щеголя или щеголихи превращалась в миниатюрную, «изящную безделушку» [6, с. 201-202]. Подобно женщине, книга тоже стала модницей и стремилась к роскоши, в культуре даже обозначилось соперничество изящных изданий и юных щеголих: тому свидетельство – слова Теодора, героя новеллы «Библиоман» Шарля Нодье. Теодор, помешанный на книжных новинках, раньше обожал женщин, но теперь он на них вовсе «...не смотрел, точнее, смотрел только на их ножки и при виде какой-нибудь изящной, яркой туфельки горестно стонал: “Увы! сколько сафьяна ушло впустую!”» [8, кн. 1, с. 34]. Обладая изысканными изданиями в сафьянных «одеждах», библиоман сравнивал работу переплетчика

с творчеством художника, ювелира, портного, со страстью влюбленного: «какое счастье украшать предмет своей пылкой страсти; изысканную щедрость собирателя, который одевает <...> Вергилия или... Горация роскошным переплетом, я нахожу столь же естественной, что и безумства влюбленного, осыпающего бриллиантами свою возлюбленную. Библиомания – это ведь тоже любовь. Роскошная библиотека – гарем для стариков» [Там же, кн. 2, с. 157]. Таким образом, оказывается, что в истории литературы первой половины XIX века равноправно существуют две взаимообратимых метафоры: «женщина – книга» и «книга – женщина», последнее метафорическое соотнесение особенно часто можно встретить в библиофильских новеллах Ш. Нодье.

Все это подчеркивает близость в культуре двух образов – женщины и книги, но дело не только в их внешней схожести. Глубинный смысл отождествления в том, что лишь влюбленному Поэту доступно проникновение в тонкую женскую душу, только ему дано понять-прочесть-оценить богатство и тайны ее внутреннего мира: «...О, я знаток девической печали; / Давно глаза мои в душе твоей читали...» (А. С. Пушкин. «Ты вянешь и молчишь...») [10, с. 254] или: «Она казалась хладный идеал / Тщеславия. Его б вы в ней узнали; / Но сквозь надменность эту я читал / Иную повесть: долгие печали, / Смиренье жалоб... В них-то я вникал, / Невольный взор они-то привлекали...» (А. С. Пушкин. «Домик в Коломне») [11, т. 3, с. 228–229]. Как свидетельствуют поэтические строки, «чтение» души красавицы предполагало читателя искушенного и внимательного к нюансам женских переживаний.

Возвращаясь к образу Софьи Дмитриевны Пономаревой, отметим, что другие гости ее литературного салона очень быстро подхватили игру, начатую Н. Гречем. В переписке Н. Измайлова и П. Яковлева тоже упоминается метафора «женщина-книга». Так, шутя, Измайлов спрашивает: «Где... комической, но и чувствительной роман с маленьким прибавлением?» На что Яковлев, не меняя тона, отвечает: «Этот прелестный роман, который читаю всегда с новым удовольствием, был прежде в сельской, а теперь уже по-прежнему в городской библиотеке» (*оба имеют в виду кратковременный отъезд дамы сердца в деревню и возвращение в Санкт-Петербург – прим. автора – Н. П.*) [4, с. 252].

Словосочетание «чувствительный роман» отсылает сразу к нескольким семантическим кругам. Чувствительную литературу сентиментализма и романтизма к 1820-м годам в русском обществе еще воспринимали как образец для подражания (массовую публику по-прежнему интересовала тонко чувствующая душа героя), но уже расценивали и как «искусственную» маску на лице героя, демонстрировавшую стеничность его поведения и излишнюю экзальтацию. Женщина-«роман» эстетизирует повседневность; в целом, ее биография превращается в житнетворчество, основанное на воплощении в реальность литературных, культурно-мифологических прототипов. Такая ситуация угадывается, например, в стихотворении Баратынского, посвященном А. Закревской: «Как много ты в немного дней / Прожить, прочувствовать успела! / ...В тоске душевной пустоты, / Чего еще душою хочешь? / Как Магдалина плачешь ты, / И как русалка ты хочешь!» (Е. Баратынский. «К***») [2, с. 54].

Судьба экзальтированной дамы, в свою очередь, тоже способствует появлению новых литературных сюжетов и образов (так произошло, например, с пушкинской «Барышней-крестьянкой», которая, по свидетельствам посетителей салона Пономаревой, восходит именно к биографии Софьи Дмитриевны, любившей переодеваться обычной мещанкой и прогуливаться по Санкт-Петербургу). Таким образом, словно стиралась грань между литературной и биографической реальностью, женская судьба прочитывалась как увлекательная книга, и две реальности – книжная и жизненная – взаимоотражались и взаимопересекались до бесконечности. Входило это пересечение реальностей и в художественный мир произведений: так, Бурмину из пушкинской «Метели» Марья Гавриловна, *героиня повести*, казалась *настоящей героиней романа* [11, т. 5, с. 62].

Впрочем, не только женщина представляла чувствительной натурой, чувствительной была и книга, ее сентиментально-романтическое содержание тоже регламентировало особый, эмоциональный тип чтения и особую обстановку. В последние десятилетия XVIII века все больше утвердились «эмфатическое», иначе – выразительное, почти актерское, декламационное исполнение текста в кругу близких друзей [5, с. 378] или уединенное чтение, где камертоном и катализатором чувств выступал любимый пейзаж. В начале XIX столетия нарочитая чувствительность уступила место тонко-сокровенному контакту с художественным миром произведения. Теперь все способствовало непринужденному полету фантазии: изготовители мебели предлагали дамам «английские стулья для чтения или сна», создающие атмосферу уединенного досуга, портные призывали купить соответствующую одежду – платье или блузу, легкие и удобные «для путешествия в царство грез» [Там же, с. 381]. Следом за Европой, Россия осваивала и чтение в саду, в парке, и чтение в укромных уголках дома. Вспомним, к примеру, что Бурмин из пушкинской «Метели» нашел Марью Гавриловну «под ивой, с книгой в руках...» [11, т. 5, с. 62], что автор «Евгений Онегина» свою музу тоже встречал в саду «И вот она в саду моем / Явилась барышней уездной, / С печальной думою в очах, / С французской книжкою в руках...» [Там же, т. 4, с. 142]. Наконец, укажем на портретные образы русской живописи, свидетельствующие о чувствительно девичьем типе чтения: таков портрет кисти А. Г. Венецианова, на котором запечатлена княжна В. С. Путяткина на фоне закатного пейзажа, задумчиво застывшая с книгой в руке, или на более известный портрет юной читательницы О. А. Кипренского, название которого говорит само за себя, – «Мечтательница».

Таким образом, в русской словесности начала XIX века получила воплощение библиометафора – «женщина-книга», ее появление обусловлено ведущими тенденциями культурной эпохи: секуляризацией общественной жизни и феминистичностью литературы и культуры. Метафорическое уподобление книги и дамы было вызвано их внешним сходством: стремлением к изяществу и роскоши. Однако дело не ограничивалось внешним сходством, необходимо отметить и внутреннее, «содержательное» родство: миниатюрное издание требовало нового, трепетного читателя; подобно ему, и женщина предстала «чувствительным романом» – тайный «текст» ее души открывался только взгляду влюбленного Поэта.

Список литературы

1. Азизбекова Н. С. Женская пресса: типология, становление, развитие // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. 1. С. 13-15.
2. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М.: Наука, 1983. 736 с.
3. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: описанные им самим для своих потомков: в 3-х т. М.: Терра, 1993. Т. 2: 1760-1771. 544 с.
4. Вацуро В. Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. 848 с.
5. Виттман Р. Революция чтения в конце XVIII века? // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М.: Издательство «ФАИР», 2008. С. 359-399.
6. Герчук Ю. Я. История графики и искусства книги. М.: Аспект-Пресс, 2000. 320 с.
7. Карамзин Н. М. Сочинения: в 2-х т. Л.: Худож. лит., 1984. Т. 2. 456 с.
8. Нодье Ш. Библиоман. Столько стоят редкие книги? // Нодье Ш. Читайте старые книги. Новеллы, статьи, эссе о книгах, чтении: в 2-х кн. М.: Книга, 1989. Кн. 1. С. 34-51; Кн. 2. С. 150-160.
9. Полоцкий С. Книги // Полоцкий С. Вирши. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 366-367.
10. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. 744 с.
11. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 3. 488 с.; Т. 4. 520 с.; Т. 5. 576 с.

THE METAPHOR “WOMAN-BOOK” IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY

Prodanik Nadezhda Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Omsk State Pedagogical University
omsk.nadezhda@mail.ru

The article considers the metaphor “woman-book” in the Russian literature and in the Russian and French cultures of the XIX century. The similar features of a fine lady and diminutive book are pointed out. The genesis of this artistic assimilation in the Russian language and literature goes back to the metaphor “Lady Mary – the book of God” (S. Polotsky), but the secularization of metaphoric language is conditioned with the process of culture worldliness during the Peter’s the First post time and the feminine centrality of the Russian literature of the 1800-1830s that took place in Russia following Europe.

Key words and phrases: history of the Russian literature of the beginning of the XIX century; history of the French literature of the beginning of the XIX century история; metaphor “woman-book”; metaphor “book-woman”; Russian lyrics of the Golden century; phenomenon of reading in the European and Russian cultures of the XVIII – the first third of the XIX century.

УДК 124.5

Филологические науки

В статье раскрываются некоторые результаты исследования эколингвистики как нового комплексного направления в современной науке о языке. Представляя художественный текст как сложную, самоорганизующуюся систему, автор предпринимает попытку проделать эколого-переводческий анализ ключевых категорий – эконцепта и экосмысла. Являясь компонентами полей переводческого пространства, они оказывают влияние на степень гармоничности перевода. Качество перевода текста зависит от переводчика, а именно от его способности выявить, понять и передать экосмыслы оригинала в контексте принимающего языка и культуры.

Ключевые слова и фразы: эколингвистика; экология перевода; переводческое пространство; эколого-переводческий анализ; экосмысл; эконцепт.

Пылаева Екатерина Михайловна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
djally666_88@mail.ru

О МЕТОДОЛОГИИ ЭКОЛОГО-ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА[©]

Многочисленные изменения внутренней структуры общества XXI века, направленные, помимо прочего, на защиту окружающей среды, обязывают исследователей применять в ходе своей работы алгоритмы, заимствованные из других областей научного знания. Закономерно, что в этой ситуации они часто обращаются к достижениям в сфере экологии, что ведет к возникновению и развитию таких наук, как *экология культуры, экологическая психология, медиаэкология, экология человека, экология информации, экологическая этика*, связанных с экологизацией человеческого сознания.

Этот процесс находит свое отражение и в современных подходах к анализу текстов в рамках лингвистики. Одним из новых, активно развивающихся направлений, возникших на базе сразу нескольких научных направлений, стала *эколингвистика*. Из множества определений данного понятия наиболее точным, на наш взгляд, является определение, данное Н. Н. Кислицыной. Она трактует эколингвистику как «раздел языкознания,